

ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ, ДОХОДОВ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ И ОРИЕНТАЦИЙ РАБОЧИХ В ПЕТЕРБУРГЕ

Борис Максимов
Социологический институт РАН

Снова вопрос о том, чем обусловлено внимание к рабочим

В своей последней статье о динамике доходов, социального самочувствия и политических предпочтений населения Петербурга М.Е. Илле документально и объективно охарактеризовал картину, сложившуюся к апрелю 2006 г. относительно именно населения в целом (Телескоп, 2006, № 4. С. 32-38). Он касался, разумеется, и рабочих; все же я хотел бы отдельно рассмотреть динамику положения и настроений данной социально-профессиональной группы, как уже делал однажды, тоже вслед за М.Илле (Телескоп, 2005, № 2. С. 22-24). Используются при этом, в качестве основных, данные из того же источника — мониторинга СНИЦ, любезно предоставленные Исследовательским центром (они используются по принципу вторичного анализа) и дополняются данными из других источников.

Главные основания отдельного внимания к рабочим я приводил в предыдущей статье. Кратко напомним, что это интерес к динамике воздействия реформенных преобразований на самую многочисленную группу среди экономически активного населения, живущего на доходы от трудовой деятельности (раньше сказали бы: зарабатывающей на жизнь честным трудом); к поведению рабочих как потенциально особой группы, в частности, проблемной, как и сто лет назад (правда, основания проблемности сегодня несколько иные и обсуждение рабочего вопроса не встретишь во властных структурах). В дополнение к этому хотелось бы специально оттенить, какие же блага («зрелые плоды») принесли этой группе реформы на этапе их завершения, подойти к положению данной группы пошире, и в т.ч. посмотреть, сохраняет ли она свою специфику (особость), не рассосалась ли по современным стратификационным слоям, поскольку слабо заявляет о себе. Еще два основания появились совсем недавно. Это усиление ослабшего внимания общественности в лице СМИ к рабочей теме (правда, преходящее), а оно, в свою очередь, обусловлено последними, «неожиданными» выступлениями рабочих и именно в Питере. Общественность, видимо, почувствовала, что происходит нечто существенное. Одна из газет даже ко мне обращалась с недоуменным вопросом: как случилось, что самая крупная в регионе забастовка произошла на не самом неблагоприятном предприятии, не «может ли забастовочное движение стать массовым, как в начале двадцатого века», «не проснулось ли рабочее движение, казалось бы, сданное в архив вместе с учебниками марксизма-ленинизма». Уж если СМИ забеспокоились, то нам сам Бог велел откликнуться на некоторые знаковые события. Даже если рабочие будут вести себя тихо-смирно, существует, по крайней мере, практическая проблема их дефицита.

На этот раз хотел бы обратить большее внимание на вопрос сопоставления рабочих с другими социально-профессиональными группами.

Но прежде чем двигаться дальше, вознамерился сделать отвлечение по вопросу, который давно занимает меня, не знаю только, к месту ли оно здесь. Подтолкнул к нему один коллега, сделавший мне, после одного из выступлений, замечание: «В ваших высказываниях сквозит эмпатия к рабочим...», и добавил: «Это непозволительно социологу. Он должен быть объективным».

Это замечание, как говорят, «заколебало» меня. Я давно собирался попытаться разобраться с эффектом дополнительности в своих писаниях; во-вторых, именно сегодня намерен с позиций объективности коснуться вопроса о наличии особенности рабочего класса, подавив эмпатию к нему. Замечание коллеги мне нужно в качестве оправдания «беспристрастных» суждений явно не в пользу классового сознания рабочих (хотя можно бы и не беспокоиться — кто из рабочих читает научный журнал?! а прочей публике нет дела до моих эмпатий, да, и самих рабочих).

И все же, позволительно ли социологу испытывать симпатию, по крайней мере, сочувствие к своему объекту? Не искажаю ли я представление о рабочих, пропуская эмпирические данные сквозь призму (линзу) субъективного восприятия, не ввожу ли общественность в заблуждение, в т.ч. изображая то, чего нет, и даже пугая несуществующим? Не являюсь ли вульгарным ангажированным социологом, только не имеющим никакой корысти от своей ангажированности? К сожалению, не следил за литературой на эту тему, не знаю, какие сегодня выработаны точки зрения по поводу «эффекта дополнительности» в социологии.

То, что он существует, так же как симпатии-антипатии — несомненно. Человек не ЭВМ. Более того, есть методы (активистские), прямо использующие неравнодушное отношение к изучаемым, та же «социологическая интервенция» А. Турена (по отношению к тому же рабочему классу). Когда мы, социологи, изучали демократические движения в незабвенную «весну демократии», то не только симпатизировали им, но и прямо входили в них, стараясь поставить «социологический штык» на службу демократии. Что касается рабочего движения, то я не стремился стать его участником, подобно уважаемым мной специалистом в данном вопросе Ракитским, однако в юбилейную дату был удостоен знака «Ветерана рабочего движения», значит как-то способствовал ему (хотя и юбилейные торжества, и знак — странноватые сами по себе вещи). Дело, на мой взгляд, не в отречении от субъективной позиции, а в понимании ее неизбежности, учетывании и верном использовании. Вот говорят: хирург не должен руководствоваться жалостью к больному. Но беспристрастный врач может запросто приговорить: «ногу — отрезать», а сочувствующий пациенту — предложить посмотреть, «как будет развиваться процесс», или постараться собрать разбитые, казалось бы, безнадежно, осколки коленной чашечки (сустава) (о таком примере сообщалось в газете относительно известной певицы Э.Пьехи). Главное, очевидно, в том, чтобы осознаваемая (и учитываемая) субъективность толкала к верному диагнозу, не к искажению картины, а к поиску разных возможных объяснений по принципу — «не навреди» объекту. Если сочувствие этому помогает, то почему бы ему не присутствовать? Конечно, если мне нужно произнести приговор: «рабочее движение сдохло», то, разумеется, больше подойдет позиция холодной беспристрастности или даже неприязни, отрицания, если же я говорю, что оно (рабочее движение) «пока притаилось», то «работает» скорее установка эмпатии.

Во всяком случае, вопрос о позиции социолога далеко не однозначный.

Прошу прощения за такое длительное отвлечение от основной темы. Что делать — казалось бы, абстрактные вопросы методологии встают на каждом шагу (можно, конечно, спрятать свою позицию, но она все равно где-то вылезет; лучше ее осознать).

Динамика доходов и занятости

Из параметров положения рабочих здесь рассмотрим два: доходы и занятость, при этом попытаемся не только показать динамику как таковую, но и как-то ее истолковать, сделать выводы, понять, о чем она говорит.

Вопрос занятости рабочих остается проблемным, при этом в первую очередь для производства, и в смысле сохранения дефицита, и низкого качества рабочих кадров для петербургской промышленности. В этих вопросах сошлюсь на специалистов по занятости, персональному менеджменту. Они утверждают, что кадровый голод на рынке рабочих профессий усиливается. «В Санкт-Петербурге на сегодняшний день (середина 2007 г — Б.М.) практически все предприятия испытывают острую нехватку рабочих» (1). «Синие воротнички» становятся «золотыми». За рабочими некоторых профессий идет настоящая охота, их переманивают с одного предприятия на другое. В частности растет дефицит кадров в машиностроении, ЖКХ, строительстве; строители дорожают (2). Возможно, это выступает одной из причин удорожания жилищного строительства, хотя вопрос роста цен здесь весьма непростой. При этом дефицит распространился не только на квалифицированных (сквозных, основных) рабочих, но и на профессии «неспециализированного», подсобного труда. Самыми «золотыми» из «синих воротничков» оказываются водители погрузчиков (3). Отмечается, для сравнения, что, например, и промышленный Урал имеет кадровые барьеры на пути экономического возрождения (4).

Причинами дефицита рабочих специалисты по-прежнему называют «упадок системы профессионального образования» демографический кризис, размещение в Петербурге мощностей многих иностранных компаний, рассчитывающих, разумеется, на российский персонал, притом — лучший; уменьшение «привязанности рабочих к работодателям», уменьшение притока кадров из регионов; упоминается и непопулярность рабочих специальностей у молодежи, но не в качестве главной причины (5). О применении чрезвычайных мер в связи с кризисной ситуацией специалисты не говорят. Соответственно, и выходы из нее видятся в тех же увеличениях набора в профтехучилища, в привлечении приезжих рабочих, при этом с возрастающей ориентацией на гастарбайтеров и использовании своих перемещающихся, заведомо временных кадров (работников). Руководитель кадровой службы и начальник отдела маркетинга завода «Ленинец» рассказывают, как выгодно взять иногороднего рабочего с меньшими запросами, принять на временную работу и начать обращаться к найму иностранных рабочих (например, на семинаре Леонтьевского центра, говорилось, как целые аулы, кишлаки и другого типа поселения постоянно трудятся в России; проблема для них только в том, как переслать деньги на родину). Проблема дефицита реальна, говорят кадровики, но решается имеющимися способами (6).

Таким образом, можно говорить об отсутствии сдвига в воззрениях на проблему дефицита рабочих у специалистов-экспертов, практических менеджеров по персоналу и в представлениях о путях выхода из ситуации кризиса, деградации корпуса рабочих кадров. Мало изменилось дело и с практической реализацией одного из главных предлагаемых способов решения проблемы — увеличения подготовки кадров через профтехучилища; в 2004 г. наблюдалось даже уменьшение числа выпускников-рабо-

чих. На профильные для Петербурга машиностроение и металлообработку приходится в год около 2,5 тыс выпускников (7). Общей причиной остается, разумеется, снижение внимания к производству, промышленности, сфере труда, к положению рабочих, буквально падение престижа профессиональных групп, занятых в производстве (за исключением выдающихся бизнесменов). Это отражает глубокие изменения в системе общественных (социальных) ценностей, в т.ч. расхождения между формальными и неформальными социальными нормами. Отсюда актуальным также остается утверждение, что главным путем решения проблемы является восстановление, а затем и повышение статуса рабочих профессий; для Петербурга в особенности нужна ориентация на высококачественных рабочих — хорошо подготовленных, высококвалифицированных, ответственных, добросовестных, заинтересованных в труде, стабильных, спокойных за свое положение и ценящих его. Одной из предпосылок для этого является высокий уровень образования рабочих (и их пополнения) в Петербурге. Остается повторить высказывание и об определяющей потребности в квалифицированных кадрах необходимости доминирования в городе ориентации на производство с высокими технологиями, в т.ч. касательно привлечения иностранных инвесторов. Пока же наблюдается привлечение инвесторов с преимущественно индустриальным характером труда, где требуется рабочей-оператор, сборщик для «отверточного производства». В СМИ с гордостью сообщается об открытии в городе автомобильных заводов компаний Ниссан, Судzuki, Джeneral Моторс, в дополнение к заводам фирм Форда, Катерпиллар и др. Хотя это ведь именно предприятия «отверточного производства».

Надо отметить, что следует говорить не просто о повышении статуса рабочих, но подтягивании его до уровня других групп наемных работников и даже превышении над последними ввиду наличия ряда отрицательных черт в труде, положении рабочего (например, низкий потолок профессионального роста, тяжелые, нередко просто вредные условия труда, жесткие его режимы, распространение алкоголизма в рабочей среде и др.

Первым путем повышения статуса рабочих является рост оплаты их труда. Ситуация дефицита кадров создает предпосылки к этому. Какова реальная динамика по данному параметру положения рабочих?

Если судить по номинальным размерам дохода, как любят делать гос. органы, политики, говорящие о росте, повышениях, прибавках и т.п. тогда, когда речь идет просто о компенсациях (индексациях) инфляции, притом запаздывающей, догоняющей, то дело выглядит так, будто рабочие реализовали благоприятные конъюнктурные возможности (ввиду дефицита кадров), и за них можно только порадоваться. За 3 года (всего за три) их личные доходы увеличились более чем вдвое (табл. 1, правда, надо заметить, что мониторинг показывает более высокий уровень дохода, чем по стат. данным).

Можно бы порадоваться, но... Здесь этих «но» — несколько. Во-первых, доходы рабочих не росли существенно более высокими темпами, чем у других групп, и рабочие не вырвались вперед, как можно было ожидать в связи с повышением цены «синих воротничков». Соотношение доходов разных групп осталось практически таким же; при этом доходы рабочих, как и ранее, заметно отличаются лишь от таковых у служащих без высшего образования. Таким образом, можно сделать вывод, что рост доходов у рабочих отражает изменение общей ситуации, а не только у данной социально-профессиональной группы. Во-вторых, повышающийся уровень и высокие темпы роста доходов у рабочих скрывают под собой, как уже приходилось неоднократно отмечать, широкое распространение дополнительной работы, переработок

Таблица 1. Динамика личных доходов рабочих и др. групп, руб.

Социально-Профессиональные Группы	Январь 2003	Январь 2004	Март 2005	Апрель 2006	Рост за 3 года, %
Рабочие	5019	6378	8773	10758	214
Служащие без высш. обр.	4175	5772	7369	7778	186
Специалисты с высш. обр.	4707	7355	8922	9874	209
Руководители	11600	14220	12462	17333	149
Прочие	6862	6539	8366	11342	165

Источник: Данные мониторинга СНИЦ

(сверхурочных, работы в выходные, праздничные дни), интенсификации труда, соответственно, нарушение его режимов, что характерно именно для рабочих. Прибавки в зарплатах оплачены ущербом для здоровья. По данным ВЦИОМа, заработок на дополнительной работе (возможно, включая переработки) составляет у квалифицированных рабочих 44%, у неквалифицированных — 37% (8). По нашим данным, собственно переработки дают примерно 30% заработка. Если вычтеть эти части, «нормальная» зарплата рабочих на основном месте, в основное рабочее время уменьшится на 30-40% и будет наименьшей среди других групп наемных работников. В-третьих, вернее отражает материальное положение рабочих не общий, а среднедушевой доход; он же существенно ниже, даже по номинальным цифрам (табл. 2).

субъективной социальной нормой (ССН), получаемой в опросах (в т.ч. ВЦИОМа), отражающей представления о размере дохода на одного члена семьи, «чтобы жить нормально». ПМ в апреле 2006 г. составлял в СПб 3722 руб., МПБ — 9400 руб. (10), ССН (по данным ВЦИОМа у рабочих) — 11863 руб., у других групп — другая (11). Соотношение среднедушевого дохода (именно его стоит взять) с названными индексами уровня жизни выглядит следующим образом (табл. 3).

Как можно видеть, душевые доходы ненамного превышают даже ПМ, уровень физического выживания. Динамика показателей улучшилась (в 2004 г. она была отрицательной), но не на много. До уровня материального положения, при котором «можно жить нормально», рабочие в целом (в среднем) не дотягивают. Если же взять не среднюю ариф-

Таблица 2. Динамика среднедушевых доходов у рабочих и других групп, руб.

Социально-профессиональные группы	Январь 2003	Январь 2004	Март 2005	Апрель 2006	Рост за 3 года, %
Рабочие	3124	4086	4664	6345	203
Служащие без высш. обр.	2809	4207	4862	5384	192
Специалисты с высш. обр.	2975	4624	5846	6604	222
Руководители	6133	7332	9447	10922	178
Прочие	2855	4782	5286	6815	239

Таблица 3. Соотношение среднедушевых доходов с основными индексами уровня жизни у рабочих и других групп

Социально-профессиональные группы	Душевой доход, руб. (СНИЦ)		Доля душевого дохода в индексах уровня жизни, %					
			ПМ		МПБ		ССН	
	2004	2006	2004	2006	2004	2006	2004	2006
Рабочие	4086	6345	1,37	1,70	0,55	0,69	0,45	0,53
Служащие б/в обр.	4207	5384	1,41	1,45	0,57	0,63	0,46	0,46
Специалисты с/в об. обр.	4624	6604	1,55	1,77	0,63	0,56	0,51	0,46
Руководители	7332	10992	1,47	2,93	1,0	0,69	0,81	0,58
Прочие	4782	6815	1,61	1,83	0,65	-	0,53	-

Источники: Мониторинг СНИЦ; Вестник общественного мнения. 2004, № 3 (71), май-июнь. С. 90; Вестник общественного мнения. 2006, № 3 (83), май-июнь. С. 83; расчет автора.

У рабочих темпы роста примерно такие же, но уровень на 1/3 ниже. Можно подметить, что у других групп темпы роста душевых доходов такие же или выше; по сравнению с ними и здесь рабочие не вырываются существенно вперед.

В-четвертых, самое главное — по номинальным размерам, без учета индексов инфляции, невозможно верно судить об изменениях в материальном положении работников. Реальная заработная плата, которую не очень любят рекламировать, даже по официальным данным, хотя и повышалась, но более медленными темпами, и не ясно, вышла ли к 2006 г. на дореформенный уровень (в 2003, 2004 гг. составляла, соответственно, 55,0%, 59,0% к декабрю 1991 г.) (9) (более поздних данных нет; нет также данных по реальной зарплате у рабочих; можно полагать, что ее динамика сходна с таковой у других групп, со средним значением). Картина становится иной и более приближающейся к реальности при соотношении доходов с известными основными индексами уровня жизни — прожиточным минимумом (ПМ), минимальным потребительским бюджетом (МПБ), рассчитываемым профсоюзами, и

метическую, то почти половина рабочих имеет доход на уровне ПМ и ниже, т.е. находится в положении бедных, несмотря на то, что они нормально работают, получают зарплату. И это, повторим, — в СПб, второй столице страны, у наиболее квалифицированного, питерского, отряда рабочего класса. По данным Росстата, в 2004 г. 56% работающих имели заработную плату до 5 тыс. руб. (12).

Итак, в объективном плане сложно говорить об улучшении положения рабочих, несмотря на благоприятную для них ситуацию. Каково субъективное восприятие изменений, в т.ч. в соотношении с объективным состоянием? Что надо считать — первое или второе — наиболее верным отражением реальности?

Восприятие доходов и занятости рабочих (или динамика социально-психологического самочувствия)

По идее, восприятие рабочими своего положения должно бы соответствовать объективной ситуации. Но на практике прямого соответствия нет, субъективные оцен-

Таблица 4. Оценка изменений жизни в целом по сравнению с прошлым годом у рабочих и других групп

Социально-профессиональные группы	«Жизнь стала»(2006): %			
	Лучше	Не изменилась	Трудно Сказать	Хуже
Рабочие	22,8	47,0	10,7	19,5
Служащие без высш. обр.	15,6	57,0	18,8	8,6
Специалисты с высш. обр.	31,1	44,0	18,1	6,7
Руководители	48,4	38,7	9,7	3,2
Прочие	11,5	57,4	11,5	19,7

Таблица 5. Оценка изменений жизни в целом в ближайшие год-два у рабочих и других групп

Социально-профессиональные группы	«В ближайшие год-два жизнь станет»: %			
	Лучше	Не изменится	Трудно Сказать	Ухудшится
Рабочие	30,2	26,8	30,2	12,8
Служащие без высш. обр.	18,0	33,6	44,5	3,9
Специалисты с высш. обр.	26,9	33,2	35,8	4,1
Руководители	38,7	32,3	25,8	3,2
Прочие	6,6	41,0	47,5	4,9

Источники: Мониторинг СНИЦ

ки противоречивы, что соответствует известному в социологии положению об отсутствии автоматической связи между состоянием положения, субъективными установками и реальными действиями. «Работает» здесь и социальная дифференциация группы рабочих, разбивающая единую оценку. Так, М.Е.Илле отмечает, что при выделении среди опрошенных 10% самых бедных и 10% самых богатых, в 2006 г. в последней группе (т.е. «богатых») 40% составляли рабочие; их доля здесь в 2,7 раза больше, чем представительство в населении (в выборке). Субъективно же отнесли себя к группе с уровнем обеспеченности «выше среднего» только 5,4% опрошенных (рабочих). Зато с «бедными» идентифицировалось такое же количество (4%), что и при объективном разбиении по группам. Большинство же рабочих (63,1%) отнесли себя к имеющим «средний уровень обеспеченности», хотя если исходить из размера душевого дохода, можно было бы ожидать преобладание оценок «ниже среднего уровня»: ведь реальный душевой доход у опрошенных в 2 раза ниже ожидаемого, «необходимого, чтобы жить нормально». Да и в «богатых» — по среднедушевому доходу — рабочих не 40%, а только 18,4%. Как все это понимать? Прибеднение при отнесении к «богатым» или, наоборот, приукрашивание своего положения при отнесении к «бедным» и «среднякам»? Пожалуй, рабочим свойственно скорее занижать, чем завышать свое положение, или считать его «средним», как бы «нормальным». Так, увеличилась доля относящих себя к группе со «средним уровнем обеспеченности» («было 58% в 2004 г., стало 63% в 2006 г.). В нижней категории («бедных» и «ниже среднего уровня») оказывается около 30% опрошенных.

Несмотря на то, что более половины рабочих (63,1%) отнесли себя к социальному слою со средним уровнем материальной обеспеченности, их удовлетворенность доходами в целом низкая. Так, удовлетворены уровнем доходов 12,8%; 62,4% — не удовлетворены (столько же, сколько имеют средний уровень обеспеченности) (т.е. средний уровень не удовлетворяет). Выходит, что выросшие в 2 раза доходы рабочие оценивают в основном как средние и в основном не удовлетворены этим. Притом динамика в сторону увеличения неудовлетворенных, и рабочие здесь отличаются от «специалистов» и «служащих», но мало от «прочих работающих».

Однако отнесение большинства рабочих себя к «среднеобеспеченным» и неудовлетворенным доходами можно трактовать и как принятие существующего положения, примирение с ним, рассмотрение его как благополуч-

ного, «нормального», ибо наличие неудовлетворенности не коррелирует прямо с ориентациями на изменение положения. Возможно, роль играет сравнительно низкий (хотя и повышающийся) уровень самих запросов рабочих, привыкание к низким доходам. Вероятно и принятие во внимание не душевых доходов, а личных, притом в номинальном выражении, которые в общественном мнении выглядят «приличными». Мы отмечаем и явление смены парадигмы приобеднения на модную установку оптимиста, «успешного» человека.

В мониторинге отслеживается оценка изменений в жизни в целом по сравнению с *прошлым* (годом) и оценка перспектив изменений в *будущем*. В первом случае преобладают те рабочие, кто считает, что жизнь не изменилась (47,0%), и почти одинаково число как считающих, что «жизнь стала лучше» (22,8%), так и полагающих, что «стала хуже» (19,5%). На будущее рабочие смотрят с большим оптимизмом — 30,3% считают, что жизнь «улучшится», только 12,8% — что «ухудшится» (табл. 4,5).

Динамика здесь в сторону увеличения довольных изменениями жизни за прошедшее время и ожидающих позитивных перемен в «ближайшие год-два».

После рассмотренного остается, однако недостаточно ясным вопрос, какие же показатели положения рабочих — объективные или субъективные — являются наиболее «работающими», и как же в целом можно оценить положение: как «благополучное», «плохое» или «так себе», «ничего», среднее?

Ориентации на протестные действия, реальные действия

В прошлый раз мы касались ориентаций рабочих на протестные действия по защите своих интересов (изменению, улучшению своего положения) по данным ВЦИОМа, полагая, что и в Петербурге имеют место сходные настроения. Данные наших интервью подкрепляют это предположение.

Сохраняется достаточно высокая и устойчивая готовность принять личное участие в акциях протеста (в «массовых выступлениях населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав»). В 2006 г. число ориентированных на действия даже выросло (по сравнению с 2004 г.) (табл. 6).

Можно отметить первенство рабочих в готовности на протест. В Петербурге с 2000 г. ориентации на протест имели потенциальный характер (составляли потенциал

Таблица 6. Готовы лично принять участие в акциях протеста, %

Социально-профессиональные группы	2000 г.	2004 г.	2006 г.
Квалифицированные рабочие	27,5	20	28
Неквалифицированные рабочие	-	26	30
Служащие без высш. обр.	16,1	19	22
Специалисты с высш. обр.	24,3	15	23
Руководители	18,8	12	13
Прочие	-	-	-

Источники: Экономические и социальные перемены. Информ. Бюлл. М.: Аспект-пресс, 2000, № 1. С. 69; Вестник общественного мнения. 2004, № 3 (71), май-июнь. С. 85; Вестник общественного мнения. 2006, № 3 (83), май-июнь. С. 84.

протеста) в части забастовочных выступлений. С начала 2000-х в СПб в течение нескольких лет не было зарегистрировано статистикой ни одной забастовки, хотя это не значит, что выступлений забастовочного характера не было вообще; просто готовившиеся (начинавшиеся) забастовки не были доведены до стадии реальной остановки работы (регистрации, главным образом в силу отмечавшихся неоднократно сложностей процедур оформления забастовки по законодательству). К тому же акции протеста не исчерпываются забастовками (это мы тоже неоднократно отмечали). Проводились митинги, пикеты, голодовки. В предыдущей статье мы приводили примеры использования неформальных методов борьбы типа «работы по правилам» (в силу тех же сложностей примирительных процедур) докерами МП СПб, трамвайщиками Горэлектротранса и др. С 2005 г. именно в Петербурге стали происходить полноценные (так сказать, «нормальные», классические) забастовки рабочих (докеров МП СПб, рабочих завода «Форда» во Всеволожске), при этом отличающиеся высоким уровнем организации, грамотностью проведения, задействованием легитимных форм действий, профсоюзов, колдоговоров, использованием рабочей солидарности (даже в международном масштабе), и в итоге достигающие результативности, означавшие начало нового этапа рабочего движения, и, наконец, привлечение внимания общественности, СМИ, работодателей, властей, получившие широкий резонанс. В следующем, 2007 г., организуется сразу несколько забастовок на различных предприятиях; по выражению в прессе, «город на Неве снова становится центром рабочего движения», «профсоюзы сказали «баста». Остановился конвейер на заводе Форда, на петербургской почте водители остановили работу предприятия, на конференции Российского профсоюза локомотивных бригад железнодорожников (РПЛБЖ) принято решение о проведении всеобщей забастовки, снова выступают докеры МП СПб, объявившие о решении провести бессрочную забастовку.

Таким образом, потенциальный протест переходит в фазу открытого социального конфликта; рабочее движение, оказывается, еще «рано сдавать в архив вместе с учебниками марксизма-ленинизма». Как писали мы в одной из петербургских газет, важнейший момент состоит в том, что появились не стремящиеся «засветиться» рабоче-профсоюзные организации, координирующие действия (выступления) рабочих в масштабах города. Сообщается о создании, благодаря усилиям этих организаций, профсоюзов на предприятиях, где они до того отсутствовали (в силу противодействия администрации и пассивности самих рабочих — на чаеразвесочной, швейной фабриках и др). Все это позволяет говорить о прорезывании нового этапа рабочего движения. О новых координирующих организациях надо писать отдельно, не мимоходом. Здесь отмечу только, что по обзору деятельности¹ упомянутого мной в газетной статье комитета солидарных действий (КСД), комитет успел уже провести митинг

ги, пикеты, шествия солидарности, распространение листовок, выпуск бюллетеней, обращений к депутатам, круглые столы по проблемам профсоюзного движения, в т. ч. обсуждение поправок в Трудовой Кодекс, принятых Гос. Думой, оказание помощи при создании профсоюзов на предприятиях и поддержание сопротивления разгону профорганизаций на некоторых предприятиях; КСД поддерживает профсоюзы, оказавшиеся в остром конфликте с работодателем, внедряет новые профсоюзные технологии и формы действий, устанавливает международные связи. Главной же формой деятельности можно, пожалуй, назвать регулярные встречи профсоюзных и рабочих активистов, где в неформальной обстановке, в «удалении от центральных руководящих органов профсоюзов и других организаций», от СМИ, во многом в форме личных контактов обсуждаются и решаются текущие перспективные вопросы рабоче-профсоюзных действий. И эта, найденная низовыми активистами форма деятельности оказывается наиболее эффективной. И уже встречается нападки официальной печати, солидных, казалось бы, официальных изданий Правительства Санкт-Петербурга, пишущих, однако, в пасквильном духе.

Просматривается ли реальный рабочий класс?

При всем том здесь хочу коснуться давно «висящего» вопроса о том, сохраняется ли рабочий класс в качестве особой, притом реальной (не номинальной) социальной группы.

Я не просто так приводил в таблицах данные не только по рабочим, но параллельно и по другим группам. Если обратиться еще раз к этим таблицам и обозреть приведенные данные в сравнительном плане, можно видеть, что рабочие отличаются от других групп (по показателям занятости, по материальному положению, социально-психологическому самочувствию, ориентациям на действия, по реальной социальной активности; недостает только данных о групповой, классовой идентификации). Так, реальные доходы, если вычесть, как говорилось, переработки, у рабочих самые низкие, соответственно, низка у них удовлетворенность доходами (напомню, 62,4% не удовлетворены уровнем дохода), невысока удовлетворенность жизнью в целом (по отрицательным оценкам и прошлого и перспектив рабочие, так сказать, «обгоняют» группы специалистов, служащих (не говоря уж о руководителях); правда, стоят на одном уровне с «прочими работающими».

Однако, так ли уж велики отличия? По занятости рабочие сейчас в наилучшем по сравнению с другими группами наемных работников положении. Их заработки растут так же, как у других групп (теми же темпами); вспомню еще раз о том, что среди «богатых» по номинальным данным оказалось 40% рабочих. Известно, что социальная дифференциация внутри самой группы рабочих нередко выше межгрупповой (например, в сравнении со служащими). Особенно важно, что рабочие незначительно выделяются в ориентациях на действия. По отрывочным данным, классовая идентификация рабочих, служащая одной из предпосылок превращения номинальной группы в реальную, тоже невелика. Известен и реальный дефицит солидарности в действиях рабочих, как в широком, так и локальном масштабах. В мониторинге СНИЦ отслеживаются и политические ориентации, по которым рабочие должны бы существенно отличаться от других групп. Можно отметить у питерских рабочих преобладание несформированной политической позиции — 40,3% «затрудняются в ответе»; далее преимущественный выбор, как и у других групп, партии «Единая Россия». Правда, у рабочих меньше, чем у служащих, специалистов и, понятно, руководителей желающих проголосовать за

¹ Обзор подготовлен В.В.Волковым

данную партию, но все же в 9 раз больше, чем за КПРФ, казалось бы более близкую рабочему классу, хранящую идеологию рабочего движения. Просматривается также приверженность рабочих партии Жириновского (ЛДПР) и практически полное отсутствие желания поддержать партии «Яблоко», СПС.

Не следует ли, действительно, говорить о «растворении» сегодняшних российских рабочих в других стратификационных слоях?

По рассматриваемым показателям наиболее сходна с рабочими группа специалистов с высшим образованием. Стоит вспомнить, что представители этой группы — работники народного образования, здравоохранения в 1990-е и начале 2000-х проявляли небывалую общероссийскую солидарность, создали действенный профсоюз, координирующий действия учителей в масштабах всей страны, и провели наиболее массовые акции протеста в тысячах организаций с участием десятков тысяч протестующих. Так, в 1997 г., в период разгара протестного движения, работники народного образования провели забастовки в 15610 предприятиях (учебных заведениях) с участием 531,8 тыс. человек на фоне 286 забастовок на всю Россию в промышленности, строительстве, транспорте, связи, где наиболее вероятно участие рабочих (с участием 209 тыс. человек) (13). В Петербурге, кстати, в этот год зарегистрировано всего 4 (!) забастовки; очевидно, здесь и учителя оказались лояльными власти (реформаторам) (или хорошо оплачиваемыми?) (14). При этом стоит еще раз упомянуть использование учителями в качестве координирующей организации профсоюза, хотя и традиционного.

Что же, выходит, если судить по периоду наивысшей политической активности, специалисты оказываются особой социальной группой, проявляющей наивысший уровень протестных действий, стремящейся добиться реализации своих интересов? Это — тот субъект, часть неопролетариата, который (вместо рабочих) будет играть ведущую роль в социальных преобразованиях?

Не вдаваясь в сложный вопрос о субъекте социальных изменений (особенно в сегодняшней взбаламученной России), отметим только, что субъектность социальных групп в настоящее время, так сказать, «не в чести» (другие субъекты орудут на арене истории). Выступления учителей были внушительными, однако, эпизодическими, кратковременными, аполитичными, преследующими лишь корпоративные интересы (и, насколько мне известно, малоэффективными). В смысле групповой, классово-субъектности рабочие оказываются в общем положении. В утешение им можно сказать, что их выступления носят все же наиболее классический характер; приходи-

лось также отмечать (и здесь — повторить), что рабочее движение обладает потенциальной силой, которая может проявиться внушительным образом. Достаточно распространенным является представление, что субъектность рабочего класса может стать полноценной при объединении его с группами интеллектуального труда, способными сформировать идеологию класса, направления, формы общественных преобразований, направить его энергию (энергетическую, так сказать, составляющую) в нужное русло. Это есть возможное формирование отмечаемой нами ранее группы неопролетариата.

* * *

В качестве обобщенных выводов можно сказать то, что уже приводилось в предыдущей статье. Остается актуальной необходимость повышения социального (профессионального, экономического) статуса группы рабочих; в демократическом обществе не должно быть униженных социальных групп. Без этого с экономической точки зрения мы и дальше будем наблюдать голосование молодежи ногами (подалеке от рабочих рядов), а в социально-политическом плане — повышение протестной активности рабочих, которая приобретает все более грамотный характер, но может стать и разрушительной силой.

Литература

1. Черных А.В. Рынок рабочих профессий: кадровый голод усиливается // Персонал микс, 2007, № 5. С. 9.
2. Новиков С. Машиностроение, строительство, ЖКХ: рост зарплат продолжается // Там же. С. 14-15.
3. Черных А.В., с. 10-11.
4. Воробьева О. Промышленный Урал: кадровые барьеры на пути экономического роста // Персонал микс. 2007, № 5. С. 16-18.
5. Кузнецова Л.Л. Почему кадры становятся дефицитными? Там же, с. 12-13.
6. Грибач К.В., Каныгина А.В. Золотой фонд предприятия: как повысить «пробу»? Там же, с. 19-22.
7. Труд и занятость в России. 2005. Стат. сб. / Росстат, М., 2006. С. 392-393.
8. Вестник общественного мнения. 2006, № 3 (83), май-июнь. С. 85.
9. Труд и занятость в России. 2005. С. 461, 463.
10. Единство. 2006, № 7 (328). С. 14-17.
11. Вестник общественного мнения. 2006, № 3 (83). С. 85.
12. Труд и занятость в России. 2005. С. 475, 484.
13. Труд и занятость в России. 2001. С. 261.
14. Там же, с. 262.